

МУРЗИЛКА

№ 6

Журнал ЦК ВЛКСМ и ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ имени В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

ИЮНЬ 1965

Путешествие мячика

Виталий ЗАСЛАВСКИЙ

Мальчик
мячик уронил.
Мячик
по морю поплыл.
Понесла его волна,
подхватила мяч она.

Словно в цирке,
мокрым носом
мяч дельфин
легко отбросил.
Рак клешнёй его потрогал
и пошёл своей дорогой.
Осьминог
восьмью ногами
мяч подкинул над волнами.

Мячик по морю плывёт,
мяч попал в водоворот,
понесло его на дно —
выплыл мячик всё равно.

Все пассаты и муссоны
дули в бок его зелёный...
Утомившись, мяч прилёг
отдохнуть на красный бок...

Где ты, мальчик?
Зря не плачь:
путешествует твой мяч!

Он помылся в Дарданеллах,
Гибралтар
проплыл он смело.
Как-то раз
его прибой
вынес на берег морской.

Мяч
схватили
негритята,
развесёлые ребята.

Наигрались
малыши
в этот вечер
от души.

Но приливы
и отливы
в океане прихотливы.
И, мальчишек не спросив,
подхватил его отлив.
Мимо Ганы и Гвинеи
плыл он к югу всё скорее.
Стал темнее цвет воды,
попадаться стали льды.

На Антарктике — зима,
над Антарктикою тьма.
Но собрался санный поезд
в дальний путь
на Южный полюс.
Вдруг
нагнулся
дядя Петя, —
видно, что-то он заметил:
— Посмотрите, что за чудо!
Поглядите: мяч!
Откуда?
Отвезу его домой —
будет рад сынишка мой.

Мяч отмыли в тёплой ванне,
он улёгся в чемодане.
С чемоданом в самолёт
погрузился через год.

Красный бок,
зелёный бок,
потерпи ещё, дружок.

Ждёт тебя хозяин старый,
он тебя ногой ударит —
и в ворота ты опять
будешь весело влетать.
Ты утратил цвет и краску,
но зато войдёшь ты в сказку.

Потерпи же, мой дружок,
красный бок,
зелёный бок.

Рис. Е. МОНИНА

ПАСТУХ

Каюм ТАНГРЫКУЛИЕВ
Рис. В. ЛОСИНА

Овец пасёт мой дядя
В долине, на лугу,
Кончатся уроки —
Я к нему бегу.

Вот он стоит, мой дядя, —
Бурка на плечах.
Он знает каждый холмик
И каждый солончак.

И ночью не заблудится
В степи он никогда:
Дорогу дяде скажет
Высокая звезда.

Не заболеет дядя
Ни в дождик, ни в мороз.
Друг верный есть у дяди —
Сакар, лохматый пёс.

Нет, пёс не страшный вовсе,
Сакар совсем не злой...
Но вот метнулись овцы,
Сакар туда стрелой!

И если волк в отаре,
Расправа коротка:
Сакар злодея серого
Настигнет в два прыжка.

В степи сидим мы с дядей
На кошме вдвоём,
Ужинаем брынзой,
Чай зелёный пьём.

Потом отару гоним.
А степь вокруг тиха.
В руке держу я палку,
Палку пастуха.

Перевёл с туркменского
Я. АКИМ

МАМА ПРИШЛА, МОЛОЧКА ПРИНЕСЛА

Б. АКИМОВА,
С. ГЕОРГИЕВСКАЯ

Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА

Бабушка ушла в гости к своей подруге Анечке.

Уходя, она строго-настрого наказала Володе:

— Никому не открывай дверь. Ты слышишь? Вернёшься из школы — возьми у лифтёрши ключ и никому не открывай. Скажут: монтёр, всё равно не открывай. Скажут: телеграмма — а ты не открывай. Водопроводчик, допустим, — тоже не открывай. Мало ли что... Узнают, ребёнок в доме один... Ты слышишь? Не открывай!

— Да, — рассеянно сказал Володя.

— Повтори, — велела бабушка.

Володя молчал.

— Ты понял? — продолжала бабушка уже с порога. — Никому не открывай. Во дворе столько хулиганов, узнают, ребёнок в доме один...

— Хорошо, — сказал Володя.

В шесть часов вернулась с работы мама. Нажала звонок.

Молчание.

Потом послышались осторожные шаги Володи.

— Кто там?

— Сынок, открой. Это я.

Молчание.

— Что же ты возишься, Володя?

— Это ты, мама?

— Я, я. Открой.

Но двери не открывались.

Мама стояла за дверью. По ту сторону дверей она слышала осторожное дыхание своего сына. Он тут.

Всем известно, что волк в своё время сумел перековать в кузнице свой грубый голос на нежный голос мамы-козы.

— Ты что, с ума сошёл, сын? Почему ты не открываешь?

Он молчал.

Они стояли по разные стороны дверей — Володя и мама. Володя слышит сердитое дыхание мамы. Мама — напряжённое дыхание Володи.

И вдруг дверь тихонько скрипнула. Из-под цепочки мама увидела вопрошающее лицо Володи.

А Володя увидел маму с сумкой!.. Так и есть. В сумке у мамы — бутылки с молоком.

— ...А это точно ты, мама? — внимательно вглядываясь в неё, недоверчиво спросил Володя.

ХИТРАЯ МАМА

— Мама, — сказал Володя, — рядом со мной сидит девочка Лена. Она очень хорошо пишет палочки.

— Прекрасно, — сказала мама.— И было бы ещё много прекраснее, если б и ты хорошо писал палочки.

— Мама, — сказал Володя назавтра, — у девочки Лены самые чистые тетрадки.

— Неплохо, — сказала мама. — Это очень, очень достойно — содержать тетради в чистоте.

— Мама, — сообщил Володя через несколько дней, — у Лены дома живёт морская свинка.

— Замечательно! — восхитилась мама. — Это трогательно, когда человек заботится о животном.

На следующий день, когда Володя позвонил, двери открыла мама.

Володя был не один.

— Проходите, ребята, — сказала она. — Здравствуй, Леночка. Раздевайся. Володя, что ж ты стоишь? Помоги!

Володя смутился. Он отвёл маму в сторону и спросил её громким шёпотом:

— Мама, а откуда ты знаешь, что эту девочку зовут Лена?

Прошло ещё несколько дней.

— Мама, — грустно поведал Володя, — у Лениной бабушки ужасные головные боли.

— Очень сожалею, — сказала, пригорюнившись, мама. — Всякий больной человек достоин сострадания.

— Мама, — мечтательно сказал Володя, — у Лены в косичках голубые ленты.

— Ну что ж! — ответила мама. — Голубое, розовое, нежно-зелёное очень идёт первоклассницам.

СОСНЫ ШУМЯТ

И. ТОКМАКОВА (Окончание) *Рис. Н. УСТИНОВА*

ИДЁТ ВОЙНА НАРОДНАЯ

Однажды ребят никто не разбудил. Никто не спел им «Дети, в школу собирайтесь». Валя открыл глаза первый. Ребята ещё спали. Разговаривать было не с кем. Он пощипал паклю из стенки. Потом сунул мизинец в расщелившееся бревно. Мизинец застрял. Валя его подёргал и вытащил. Из щели выбежал и побежал к потолку маленький чёрный паучок. Вале надоело молчать. Он подёргал Тамарино одеяло.

— Тамар, а я видел во сне мыльную лошадь. Она была вся красивая, как мыльные пузыри.

Тамара посильнее зажмурилась, потом поняла, что она не спит, и открыла глаза.

— Ой, ребята, как светло! — закричала она. — А где же тётя Нюра?

В коридоре радио пело хорошо известную и почему-то страшную песню: «Идёт война народная...» За стеной на кухне тётя Маруся громыхала вёдрами. На дворе запрягали Мишку: Исаак Маркович собирался в город за продуктами. Тётя Нюра не приходила. Потом прибежала Олеся. У неё были красные глаза и какое-то не такое лицо.

— Ребята, быстро одеваться — и в умывальную, — сказала она. — Умоетесь — садитесь за столики. Я сейчас принесу кашу.

— А тётя Нюра?

— Тётя Нюра не придёт. Тётя Нюра плохо себя чувствует.

А днём ребята узнали, что тётя Нюра получила «похоронную»: на фронте геройской смертью погиб её муж. Странная Олеся, почему-то не сказала сразу, точно они маленькие...

Тётя Нюра пришла на другой день. Была она как обычно. Только бледная. И всё время туго стягивала косынкой голову.

Ребята вели себя тихо. Тамара подарила ей красивый рисунок — сосны в инее. Инночка-красавица всё время подходила к ней, ласкалась и говорила: «Тётя Нюрочка», а Валя строил из чурочек башню и не капризничал совсем.

ЁЛКА-СОСНА

Приближался Новый год. Только вот не было ёлочных игрушек. Олеся принесла бумаги. Её выкрасили карандашами в разные цвета и выпросили у Исаака Марковича клей. Олеся разрезала бумагу на узенькие коротенькие полоски и научила ребят клеить из них цепи: склеиваешь колечко, потом продеваешь полоску в это колечко и склеиваешь концы — получается два колечка вместе. Нанизываешь много-много колечек разного цвета, и получается длинная красивая ёлочная цепь.

Вера Александровна дала немного ваты. Вату смачивали клеем и скатывали в виде морковок. Пока красили и клеили, все с ног до головы выпачкались краской и клеем. Зато было весело.

Олесю кто-то из деревенских угостил орехами. Она их грызть не стала. Принесла ребятам. Орехи тоже раскрасили и приклеили к ним ниточки. Всё было готово.

Олеся, и тетя Маруся, и сам Исаак Маркович отправились в лес за ёлкой. Пошли — и пропали. Ребята совсем их заждались.

Стало темнеть. Вера Александровна беспокоилась за Олесю. Наконец пришли. Все в снегу, носы — красные, брови — белые, замороженные, как сосульки.

Оказалось, зря исходили все ближние леса. Не растут в них ёлки. Ничего не поделаешь. Срубили маленькую сосенку. Тётя Маруся принесла

ведро с песком. Сосенку укрепили в ведре. Запахло снегом и лесом. Ну и пусть не ёлка. Пусть сосна. Всё равно красивая. Ветки — свечками, прямые, с голубоватой хвоей. И нарядная: на ней яркие цепи, пёстрые орешки и морковки — как настоящие.

Пришёл Степан Степанович. Ёлка-сосна ему очень понравилась. Он играл. Ребята пели «В лесу родилась ёлочка». А потом приходил Дед Мороз. Он был с длинной бородой, в красном пальто с мехом, только без палки. Потому что у этого Деда Мороза была только одна рука, а в ней он нёс корзину. В корзине лежали аккуратно свёрнутые кулёчки из газетной бумаги, а в них по целому яблоку, по две жареные лепёшки, по комочку розовых конфеток-подушечек и по куску толстого, наколотого шоколада. Настал Новый год.

ВЕСНА

Постепенно стало теплеть. У сосновых стволов снег стаял, показалась чёрная земля. Около самого берега распустилась верба. На ветках качались маленькие пушистые зайцы.

Ребята набрали сосновых веток, наломали вербы, принесли домой.

Запахло весной.

ОГОРОД

Скоро снег совсем растаял. Вера Александровна «выхлопотала гектар» — это земля за домом и за соснами — большое поле. Там теперь пашут и будут сажать огород — «подсобное хозяйство».

У ребят тоже будет огород — прямо позади сарая. Они сами вскопали землю, а тётя Нюра показала, как делать грядки. Вышло семь грядок. Олеся пошла в деревню, а потом к Исааку Марковичу — добывать семена. Она принесла в пакетиках маленькие гладенькие семечки, и длинные — узкие, и плоские — овальные, и круглые — в виде шариков с шипами. В каждом семечке сидела свёкла, или морковка, или репка. Надо было теперь посадить их в землю и поливать водой.

Скоро грядки зазеленели. На них появились тонкие зелёные росточки — всходы.

ТАМАРА ЗАБОЛЕЛА

Тамара отодвинула миску с супом.

— Не буду.

Тётя Нюра не поняла:

— Что, горячо, что ли?

— Не буду.

— Совсем не будешь? Не хочешь есть?

— Не хочу.

— Не капризничай, Тамара, мы пойдём потом сосновые шишки собирать. И Олеся пойдёт. И Альфа. Кушай, детка.

— Никуда не пойду. Ни с кем. Я спать хочу.

Тётя Нюра пощупала Тамарин лоб.

— Ого! Да ты уж не захварываешь ли?

После обеда позвали Веру Александровну. Она посмотрела Тамару, послушала, постукала по спине, поглядела горло, надавив на язык холодной блестящей пластиночкой — шпателем.

— Ничего, Тамусик, — сказала она весёлым голосом. — Скоро поправишься.

А потом вышла за дверь, вздохнула и совсем уже невесело сказала тёте Нюре:

— И где она могла зацепить? Сыпь. Горло красное. Похоже, что

в изолятор. Тамаре больно повернуть голову. Тамаре трудно открыть глаза. Кто-то подходит к кровати, садится рядом и говорит шёпотом что-то хорошее.

Тамара с усилием поднимает веки. Это Олеся пришла. Она сама сменила холодный компресс. Она где-то раздобыла настоящую конфету в бумажке и положила её в Тамарин горячий кулак.

скарлатина. Уложите её в изоляторе, я через час зайду.

Тамаре больно глотать. Глазам жарко. Голова горит. К ней часто приходит Вера Александровна.

Изоляторная сестра тётя Зоя всё время кладёт ей на голову мокрое, холодное полотенце. Полотенце сразу нагревается. Тётя Зоя мочит его в тазу, выжимает и кладёт снова. Кто-то в белом халате входит

Добрая, хорошая Олеся. Тамаре хочется плакать.

— Олеся, может, ты моя мама? — спрашивает она неожиданно.

Олеся глядит грустно и качает головой. Она гладит Тамарины растрёпанные волосы. Она знает, что Тамарина мама погибла в Минске во время фашистского налёта. Но она не

может сказать этого Тамаре. Она говорит:

— Может, ты поспишь?

И на цыпочках выходит в коридор.

ПОЭТЫ

Тамара уже поправлялась, когда заболел Валя. Потом Инночка-красавица. Потом в изоляторе не хватило места — заболели ещё пять человек. Но всё-таки настал день, когда поправились все. Тётя Нюра встречала всех радостно и весело. Когда в комнату вошёл бледный, похудевший Валя, она так и ахнула:

— Валенька, мальчик, как ты вытянулся!

А Тамара, которая вернулась из изолятора на неделю раньше, пританцовывала вокруг него и пела:

— Мальчик с пальчик влез в карманчик, мальчик с пальчик влез в карманчик! Тётя Нюра, хорошо я стихи сочинила?

Инночка-красавица сказала:

— Я тоже умею. «На кровать улёгся кот, у него болит живот». Это про Кашлатика.

— А откуда ты узнала?

— Что?

— Что у него живот болел?

Инночка застеснялась, а потом хитро прищурила свои голубые глазёнки и сказала:

— Он мне сам сказал. Вот.

— Ну и ладно, — сказала Тамара. — А у меня ещё другой есть стих, я в изоляторе когда лежала, сочинила: «Цветик-семицветик, радостный цветок, вот бы у тебя бы выросли бы ножки».

Валя, который всё это молча слушал, вдруг сказал:

— Плохой стих. Нерифменный.

— Сам ты нерифменный, — оби-

делась Тамара. — Э-э, Валька нерифменный!

— Ну тебя, ну тебя, Томка!

Вмешалась тётя Нюра, развела поэтов по углам.

Если бы кто-нибудь подошёл к тому углу, где Валя возил по полу кубики, то услышал бы такое бормотанье:

Самолёт летит, гудит,
Наш советский лётчик
Вдаль глядит.
Показались танки — трах, трах,
Разбомбили всех фашистов,
Наши победили!

УРОЖАЙ

Пока болели, наступил август. Кто не был в изоляторе, вместе с тётей Нюрой и Олесей ухаживали за огородом. Поливали — носили воду из затона. Пололи. Прореживали морковку и свёклу. Росточки окрепли. У морковки выросла красивая, вырезная ботва. Огурцы зацвели маленькими жёлтыми граммофончиками. К ним прилетали пчёлы. Протискивались внутрь жёлтого цветка и вылетали оттуда с довольным жужжанием. Потом цветы завяли и отвалились. Появились маленькие огурчики — пуплята.

И вот однажды назначили день, когда весь обед должен был готовиться из овощей с ребячьего огорода. Вечером пошли на огород с тётей Нюрой. Позвали Олесю. Пригласили Веру Александровну. Вале доверили выдернуть первую морковку. Он уцепил морковку за пушистый хвост, дёрнул. Ярко-оранжевая, кургузенькая, с кусочками сырой земли — она была похожа на улыбающуюся рожицу.

Тамара сказала:

— Здравствуйте, Морковка Валентиновна!

И все засмеялись. Потом все дёргали по очереди: морковку, ещё морковку, свёклу. Выдернули несколько кустиков картошки — на суп.

А на следующий день был невероятно вкусный обед. И всем давали добавку.

ЗДРАВСТВУЙ, ИННОЧКА-КРАСАВИЦА!

Однажды утром, после завтрака, открылась дверь, и вошла Вера Александровна, а с ней высокий военный. Он быстро оглядел всех ребят по очереди и воскликнул, протягивая руки:

— Здравствуй, Инночка-красавица!

Инночка поглядела на него своими круглыми синими глазами, и вдруг закричала, и бросилась к нему, и уткнулась лицом в его гимнастёрку. Это был Инночкин папа!

А дело было так. Инночкиного папу ранило осколком в ногу. Его отправили в госпиталь. Доктор-хирург вынул у него осколок. Теперь нога у него совсем не болит. И он опять уезжает на фронт.

А целых два дня он будет с Инночкой. И со всеми ребятами тоже.

СОСНЫ ШУМЯТ

Сосны шумят. Машут ветками, сыплют жёлтой хвоей на землю, на крышу деревянного дома, к дверям которого прибита вывеска «Средняя школа».

Война кончилась давно. Кончилась славной, незабываемой победой. Давно уже в деревне Сосновке нет никакого Дома ребёнка.

Все дети выросли.

П Е Т Я И ПЕТЯ

В. ЛИФШИЦ
Рис. В. ЧИЖИКОВА

Как-то слышит мальчик Петя
Ранним утром на заре:
— Петя, петя, петя, петя! —
Женский голос во дворе.

И, одевшись поскорее,
Выбегает он во двор —
Видит тётю Пелагею,
Видит травку и забор.

Говорит он тёте:
— Тётя!
Это вы меня зовёте?

— Что ты, милый!
Ха-ха-ха!
Не тебя, а петуха!

— Петя, петя, петя, петя! —
И вприпрыжку,
Во весь дух,
К Пелагее
мимо Пети
Через двор
бежит петух.

Поглядел петух на Петю
Круглым глазом
Озорно,
Подмигнул,
Закукарекал —
И давай клевать зерно!

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ ФАВОРСКИЙ

На этой фотографии Владимир Андреевич Фаворский со своими внуками. Ребята его спрашивают:

— Дедушка, почему море солёное? Почему цветы пахнут? Почему заяц зимой белый, а летом серый?

„Пролетающие птицы“.

Владимир Андреевич любил детей и мог ответить на все их вопросы, потому что он был настоящий художник. А художник должен много знать и зорко видеть.

Владимир Андреевич резал гравюры на дереве к рассказам Льва Толстого и Пришвина, к стихотворениям Пушкина и Маршака. Когда смотришь его гравюру «Пролетающие птицы», то слышишь, как поют птицы, шелестят деревья листвой.

И все гравюры очень просты. Вот тут-то и весь секрет. Так просто может делать только великий мастер. Так просто писал Лев Толстой. Помните его рассказ «Лев и собачка»?

«В Лондоне показывали диких зверей и за смотренье брали деньгами или собаками и кошками на корм диким зверям».

Как просто!

Вот гравюры к «Рассказам о животных» Льва Толстого. Владимир Андреевич рассказывал, как он рисовал зайца:

— Куда бы я ни обращался; все мне подсовывали кролика. Всюду был кролик. Наконец в зоопарке, в вольере с павлинами, я нашёл зайца и поразился его строением. Он был гораздо серьёзнее, чем кролик.

Потом Владимир Андреевич вспомнил, как однажды вышел он на лесную поляну и увидал — зайчата играют, кувыркаются, дубасят друг друга лапками...

И вот он вырезал зайцев. И когда смотришь на них, то видишь снежные поля, видишь, как в морозную ночь заяц кормится в осиннике.

А вот акула. Чудовище среди волн. И вода прозрачная, такая только в тропиках бывает.

Гравюры эти спокойные и строгие, ничего лишнего, как в рассказах Льва Толстого.

Владимир Андреевич умер. Пройдёт много лет, но люди будут смотреть на гравюры и каждый раз радоваться, грустить и удивляться.

Г. СНЕГИРЁВ

„Море“. Рисунок твоего индийского друга Арора ПРАДИП.

МУРЗИЛКА — КИТОБОЙ

Рис. Ю. ФЁДОРОВА

Как-то я заболел. А Петя Синичкин пришёл меня проведать.

«Что с тобой? Почему ты пьёшь рыбий жир?!!»

Видишь эту книгу?

Я прочитал её сам и решил поохотиться на китов.

Продолжение на странице 30.

В. ОСЕЕВА *Рис. А. БРЕЯ*

Волшебная иголочка

Сказка

Жила-была Машенька - рукодельница, и была у неё волшебная иголочка. Сошьёт Маша платье — само себя платье стирает и гладит; разошьёт скатерть пряниками да конфетами — постелет на стол, глядь, и впрямь сладости появляются на столе!

Любила Маша свою иголочку, берегла её пуще глаза и всё-таки не уберегла. Пошла как-то в лес по ягоды и потеряла! Искала, искала, все кустики обошла, всю травку обшарила — нет как нет её иголочки! Села Машенька под дерево и заплакала.

Пожалел девочку Ёжик, вылез из норки и дал ей свою иголку.

— Возьми, Машенька, может, она тебе пригодится!

Поблагодарила его Маша, взяла иголочку, а сама подумала: «Не такая моя была!»

И снова заплакала.

Увидала её слёзы высокая Сосна — бросила ей свою иголку.

— Возьми, Машенька, может, она тебе пригодится!

Взяла Машенька, поклонилась Сосне низко и пошла по лесу. Идёт, слёзы утирает, а сама думает: «Не такая это иголочка, моя лучше была!»

Вот повстречался ей Шелкопряд, идёт — шёлк прядёт, весь шёлковой ниткой обмотался.

— Возьми, Машенька, мой шёлковый моточек, может, он тебе пригодится!

Поблагодарила его девочка и спрашивает:

— Шелкопряд, Шелкопряд, ты давно в лесу живёшь, давно шёлк прядёшь, золотые нитки делаешь из шёлка, не знаешь ли, где моя иголка?

Задумался Шелкопряд, покачал головой.

— Иголка твоя, Машенька, у Бабы Яги, у Бабы Яги — Костяной ноги. В избушке на курьих ножках. Только

нет туда ни пути, ни дорожки! Мудрено достать её оттуда!

Стала Машенька просить его рассказать, где Баба Яга — Костяная нога живёт.

Рассказал ей всё Шелкопряд:

— Идти туда надо не за
солнцем, а за тучкой,
По крапивке
да по колючкам,
По овражкам да по
болотцу,
До самого старого колодца —
Там и птицы гнёзд не вьют,
Одни жабы да змеи живут,
Да стоит избушка на курьих
ножках,
Сама Баба Яга сидит у окошка,
Вышивает себе ковёр-самолёт.
Горе тому, кто туда пойдёт,
Не ходи, Машенька, забудь свою
иголку,
Возьми лучше мой моточек
шёлку!

Поклонилась Машенька Шелкопряду в пояс, взяла шёлку моточек и пошла.

Страшно Машеньке к Бабе Яге идти, да жалко ей свою иголочку. Вот выбрала она в небе тёмную тучку.

Повела её тучка по крапивке
Да по колючкам
До самого старого колодца,
До зелёного мутного болотца,
Туда, где жабы да змеи живут,
Туда, где птицы свои гнёзда не
вьют.
Видит Маша избушку на курьих
ножках,
Сама Баба Яга сидит у окошка,
А из трубы торчит совиная
голова...

Увидела Машу страшная Сова, да как заохает, закричит на весь лес:

— Ох-хо-хо-хо! Кто здесь? Кто здесь?

Испугалась Маша, подкосились у неё ноги от страха. А Сова глазами ворочает, а глаза у неё, как фонари, светятся — один жёлтый, другой зелёный, всё кругом от них жёлто да зелено!

Видит Машенька, некуда деться ей, поклонилась Сове низко и просит:

— Позволь, Совушка, Бабу Ягу повидать. У меня к ней дело есть!

Засмеялась Сова, заохала, а Баба Яга ей из окошка кричит:

— Сова моя, Совушка, само жаркое к нам в печку лезет!

И говорит она девочке так ласково:

— Входи, Машенька, входи!

Подошла Машенька к избушке и видит: одна дверь железным засовом задвинута, на другой — тяжёлый замок висит, на третьей — литая цепь.

Бросила ей Сова три пёрышка.

— Открой, — говорит, — двери да входи поскорей!

Взяла Маша одно пёрышко, приложила к засову — открылась первая дверь, приложила второе пёрышко к замку — открылась вторая дверь, приложила она третье пёрышко к литой цепи, упала цепь на пол, открылась перед ней третья дверь! Вошла Маша в избушку и видит: сидит Баба Яга у окошка, нитки на веретено мотает, а на полу ковёр лежит, на нём крылья шёлком вышиты, и Машина иголочка в недошитое крыло воткнута.

Бросилась Маша к иголочке, а Баба Яга как ударит помелом об пол, как закричит:

— Не трогай мой ковёр-самолёт! Подмети избу, истопи печку, а вечером я тебя съем!

Машенька Бабе Яге не перечит. Избу подметает. Сор собирает.

Улетела Баба Яга, а Машенька схватила иголочку — и ковёр дошивать. Шьёт-вышивает, головы не поднимает, а Сова ей кричит:

— Девчонка, девчонка, почему из трубы дым не поднимается?

Отвечает ей Машенька:

— Сова моя, Совушка,
Плохо печь разгорается.

А сама дрова кладёт, огонь разжигает.

А Сова опять:

— Девчонка, девчонка, кипит ли вода в котле?

А Машенька ей отвечает:

— Не кипит вода в котле,
Стоит котёл на столе.

А сама ставит на огонь котёл с водой и опять за работу садится. Шьёт Машенька, шьёт, так и бегает иголочка по ковру, а Сова опять кричит:

— Топи печку, я есть хочу!

Подложила Маша дров, пошёл дым к Сове. Вода в котле закипела.

— Девчонка, девчонка, — кричит Сова, — садись в горшок, накройся крышкой и полезай в печь!

А Маша и говорит:

— Я бы рада тебе, Совушка, угодить, да в горшке воды нет!

А сама всё шьёт да шьёт.

Вынула у себя Сова пёрышки и бросила ей в окошко.

— На, открой двери, сходи за водой, да смотри, коль увижу, что ты бежать собираешься, кликну Бабу Ягу, она тебя живо догонит!

Машенька говорит:

— Сова моя, Совушка, сойди в избу да покажи, как надо в горшок садиться, как крышкой накрыться!

Рассердилась Сова да как прыгнет в трубу и сама в котёл угодила! Задвинула Маша заслонку, а сама села ковёр дошивать. Вдруг задрожала земля, зашумело всё вокруг, вырвалась у Маши из рук иголочка и тихонько так Машеньке говорит:

— Бери ковёр-самолёт,
Беда на нас идёт.

Схватила Машенька ковёр-самолёт, открыла совиными пёрышками двери и побежала. Прибежала в лес, села под сосной ковёр дошивать. Белеет в руках проворная иголочка, блестит-переливается шёлковый мо-

точек ниток, совсем немножко остаётся дошить Маше.

А Баба Яга вскочила в избушку, потянула носом воздух и кричит:

— Сова моя, Совушка,
Где ты гуляешь,
Почему меня не встречаешь?

Вытащила она из печки котёл. Съела она всю похлёбку до самого донышка, глядит, а на донышке совиные пёрышки! Глянула вокруг, а ковра-то и нет! Догадалась она тут, в чём дело, затряслась от злости.

— Я тебя! Я тебя!
За Совушку-Сову
В клочки разорву!

Вскочила на помело и взвилась на воздух, летит, сама себя веником погоняет.

А Машенька под сосной сидит, шьёт-торопится, совсем немного ей осталось. Спрашивает она Сосну высокую:

— Сосна моя милая,
Далеко ли ещё Баба Яга?

Отвечает ей Сосна:

— Пролетела Баба Яга зелёные луга,
Помелом взмахнула, на лес повернула...

Ещё пуще торопится Машенька, уж последний стежок ей остался, да нечем дошить, кончились у неё нитки шёлковые. Заплакала Машенька, вдруг откуда ни возьмись Шелкопряд:

— Не плачь, Маша, на тебе шёлку,
Вдень мою нитку в иголку!

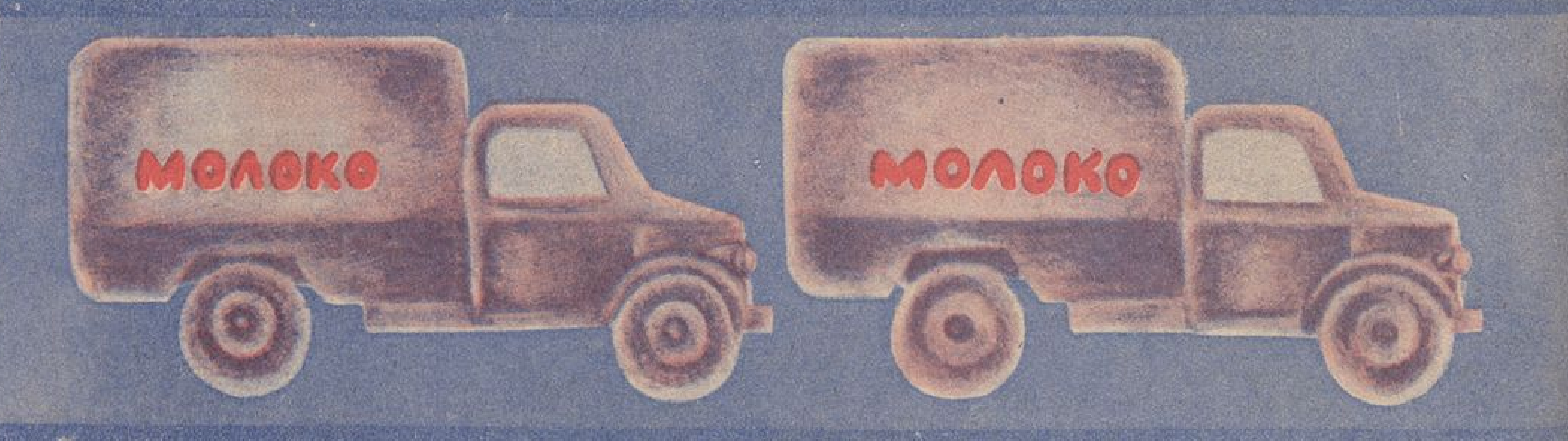
Взяла Маша нитку и опять шьёт... Вдруг закачались деревья, поднялась дыбом трава, налетела Баба Яга, как вихрь! Да не успела она на землю спуститься, как подставила ей Сосна свои ветки, запуталась она в них и прямо около Маши на землю упала!

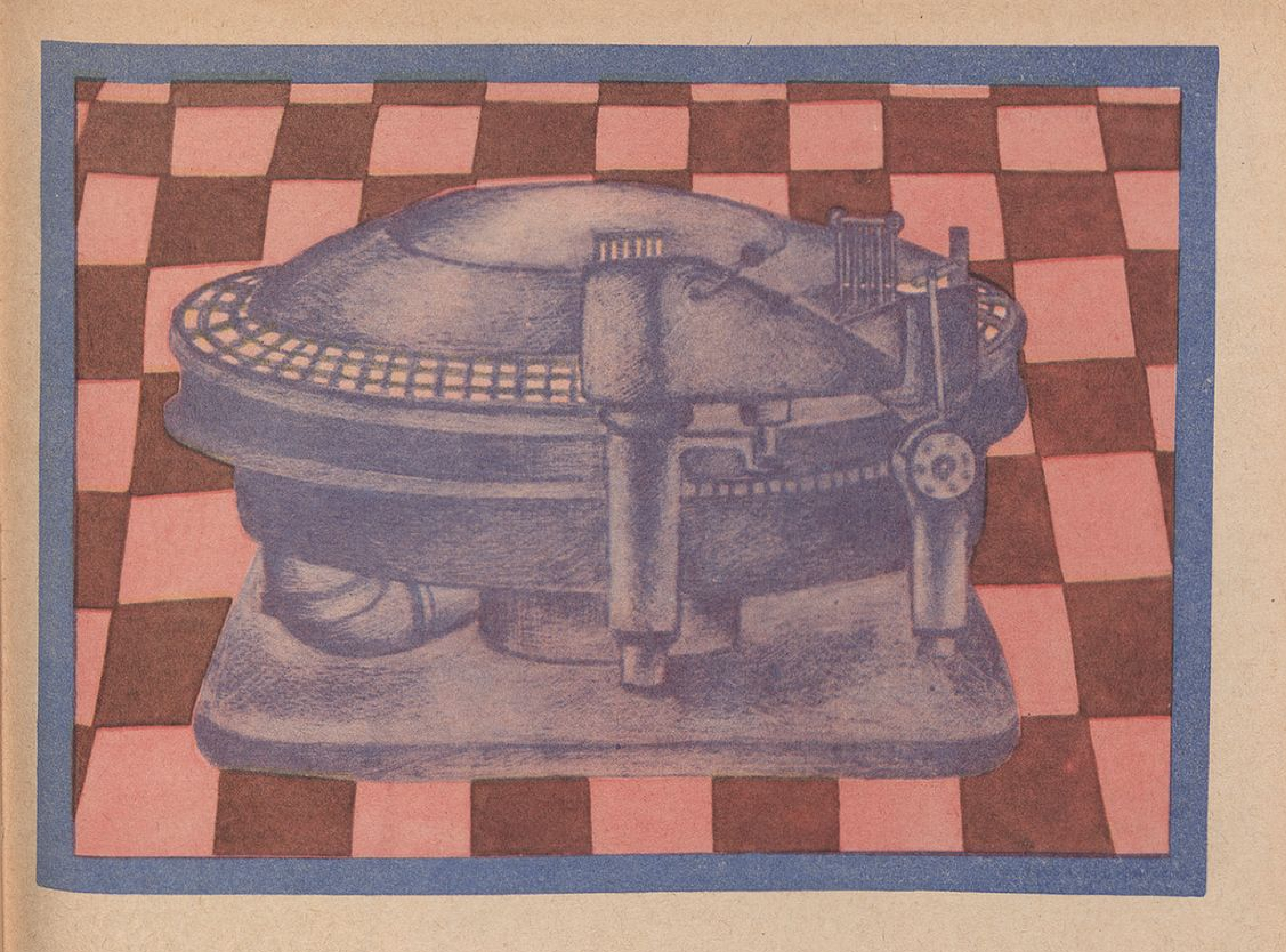
А уж Машенька последний стежок дошила и ковёр-самолёт расстелила, только сесть на него остаётся.

А Баба Яга уже с земли поднимается. Бросила в неё Маша ежиную иголку, прибежал старый Ёж, кинулся Бабе Яге в ноги, колет её своими иголками, не даёт с земли встать, а Машенька тем временем на ковёр вскочила, взвился ковёр-самолёт под самые облака и в одну секунду домчал Машеньку домой! Стала жить она, поживать, шить-вышивать людям на пользу, себе на радость, а иголочку свою берегла пуще глаза! А Бабу Ягу затолкали ежи в болото, там она и затонула на веки вечные!

КОМБИНАТ ДЕДУШКИ МОРОЗА

Е. СЕЛЕЗНЁВА

Рис. Т. ЗУЙКОВОЙ

Вот и лето! Солнце печёт вовсю, жара!

А Дед Мороз работает, что есть сил старается в своём ледяном царстве — в холодильном комбинате.

Здесь всего много: сухие сливки — целыми бочками!.. Сахарный песок — целыми ушатами!.. Масло — большими жёлтыми глыбами! В громадной ванне крутятся крылья мешалки и бушуют молочные волны!

Уж не попали ли мы в какую-то великанскую кухню?! Что здесь готовится? Для какого великана?

Здесь делают мороженое. А великан — это мы с тобой и ещё миллионы мальчишек и девчонок — любителей мороженого.

Чтобы приготовить мороженое, мало всё размешать в ванне. Ещё надо хорошенько нагреть!

— Ведь сырое молоко мама пить не велит?

— Не велит.

— И воду ты пьёшь кипячёную?

— Кипячёную.

— Вот и мороженое, прежде чем заморозить, надо сильно нагреть — всё равно что вскипятить.

Когда «горячее мороженое» остынет, его отправляют в морозильные машины. Тут-то и начинается работа

Дедушки Мороза! В морозильную машину он по трубам такой холод гонит, что трубы даже в снежную шубу одеваются. В цехе тепло, а на трубах белый иней.

Внутри машины в длинном барабане сбивается мороженое. Чтобы оно сбилось нежной пеной — перемешалось с воздухом, — в барабане быстро вертится мешалка. От холода пена замерзает, и получается мороженое. Только ещё не совсем крепкое. Такое, чтобы его по трубам можно было отправить к другим машинам — выдавить, как зубную пасту из тюбика.

На комбинате у Дедушки Мороза всё делают машины-автоматы. Рабочие только следят, чтобы машины правильно, хорошо работали.

Большая машина на картинке — автомат, который делает эскимо. Машина похожа на карусель, и крутится она, как настоящая карусель. А на ней едут будущие эскимо по четыре в ряд. Они в формочках, потому что ещё не совсем застыли. Но Дед Мороз не дремлет! Он снизу, под карусель, лютую стужу нагоняет. Пока объедут эскимо весь круг — замёрзнут крепко-накрепко!

У автомата есть «железные руки» — они как живые: схватят замёрзшее мороженое за палочки и выдернут из формочек, как морковку из грядки, и потом выкупают в жидком шоколаде.

Другой автомат подхватит эскимо и завернёт в серебряную бумажку.

Автоматы накладывают пломбир в стаканчики, украшают его кремом, посыпают орехами.

Готовое мороженое по дорожке уезжает в холодный склад. И оттуда в больших закрытых машинах отправляется мороженое во все стороны!

Куда же едет мороженое? И близко и далеко. И в Москву, и в Смоленск, и в Кострому, и в другие города.

А на самолётах его за границу отправляют — в Чехословакию, в Болгарию, в Польшу.

Все любят московское мороженое.

БЕЛЫЕ АИСТЫ

Валентин ЛЮКОВ *Рис. В. КУРДОВА*

Дедушка Петрован смолил во дворе новую лодку, а Маринка только что проснулась и умывалась под рукомойником, висевшим у крыльца.

Вдруг она услышала прямо над головой какие-то громкие всплески. Так хлопает бельё на верёвке, когда подует сильный ветер.

— Смотри, смотри, Маринка! — закричал дедушка и указал рукой вверх.

Над домом кружились большущие белые птицы. Их было две. Шеи у них длинные-длинные, а ноги ещё длиннее. Когда птицы планировали, было тихо. Но стоило им взмахнуть метровыми крыльями, как раздавался плескучий хлопок.

Маринка что-то закричала и захлопала в ладоши.

Наверное, птицам не понравилось это. Они сделали ещё круг над домом и быстро улетели прочь, скрылись за макушками деревьев.

— Как их зовут? — спросила Маринка у дедушки.

— Аисты, внучка. Белые аисты.

— Они вернутся?

— Не знаю, Маринка. Может быть, вернутся.

Совсем загрустила Маринка. Выйдет утром на крыльцо, сядет на ступеньку, подопрёт голову кулачками и ждёт не дождётся, когда прилетят белые аисты.

Плывут над лесом молчаливые облака. А Маринке кажется, что это огромные белые птицы поднялись в поднебесье и улетают в далёкие неизвестные края. И хочется Маринке крикнуть, позвать их:

— Куда вы летите? Вернитесь, аисты!

Не слышат её облака. Плывут и плывут в вышине куда-то.

Видит дедушка, как скучает Маринка. Положил однажды на её плечико свою большую ласковую ладонь и спросил:

— Хочешь, Маринка, я сделаю так, что аисты вернутся?

— Конечно, хочу! — обрадовалась Маринка. Она сразу поверила, потому что дедушка умел делать всё.

— Тогда пошли со мной, будешь помогать.

Он повёл Маринку под навес, где хранилась всякая всячина — новые доски, листы фанеры, железные прутья, ободья к бочкам, и чего там ещё не было!

Дедушка долго перекидывал предметы с места на место. Наконец извлёк из самого угла старое колесо от телеги.

— Ну вот, — сказал он и хитро прищурился. — Теперь они непременно вернутся.

Ничего не поняла Маринка, но расспрашивать не стала, раз дедушка говорит, то, наверно, знает.

А дедушка принёс лестницу и ве-

рёвку. Лестницу приставил к стене, а конец верёвки привязал за спицу старого колеса. Потом взял в руку другой конец верёвки и полез на крышу. Не успела Маринка ничего подумать, как дедушка уже поднял колесо наверх. Затем он выбрал на крыше место поровнее, уложил колесо, а верёвку обмотал вокруг трубы.

— Теперь жди гостей, — сказал он Маринке, когда спустился с крыши.

Вечером Маринка легла спать, а утром дедушка разбудил её раньше обычного.

— Иди во двор, посмотри.

Вышла Маринка во двор — и ахнула. Две огромные птицы, белые, как облака, сидели на крыше и хлопотливо опутывали спицы старого колеса сухими прутьями.

Аисты жили на крыше до осени. Летом у них родились птенцы.

Дедушка Петрован сплёл вершу и отнёс её в протоку на озере.

Маринка сама отбирала мелкую рыбу и оставляла её посреди двора. Взрослые аисты спускались с крыши, забирали рыбу в свои длинные розовые клювы и несли её маленьким аистятам. И долго потом из гнезда слышалось негромкое поскрипывание. А Маринке казалось, что птенцы благодарили её за угощение.

Когда Маринка собиралась уезжать в город, стали собираться в дорогу и аисты.

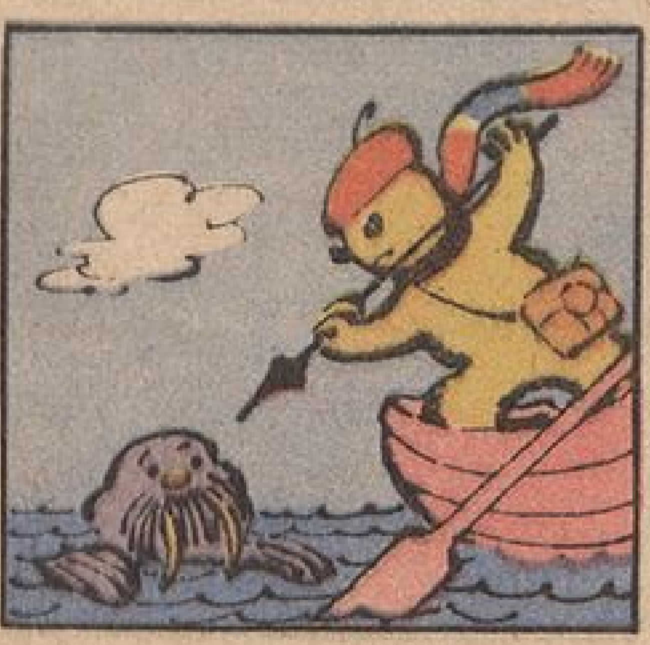
Они простились с дедушкой и его лесной сторожкой в один день. Аисты полетели на юг, где никогда не бывает зимы, а Маринка поехала с дедушкой на станцию.

Она провожала глазами белых длинноногих птиц, и ей ни капельки не было грустно. Она знала: когда следующей весной снова приедет в гости к дедушке Петровану, прилетят и аисты. Ведь теперь у них есть своё жильё, а в озере так много рыбы!..

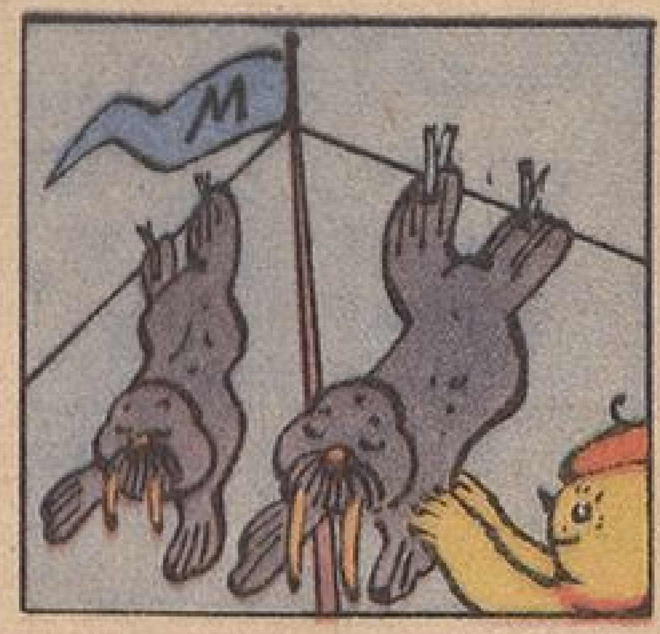
МУРЗИЛКА-КИТОБОЙ

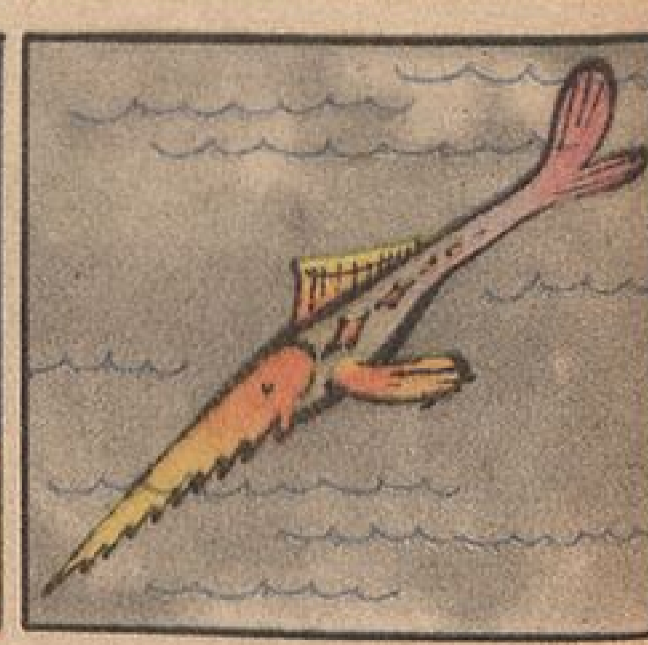
Сказано — сделано! И вот я в Атлантике — ищу китов...

Искал долго, а пока охотился на моржей.

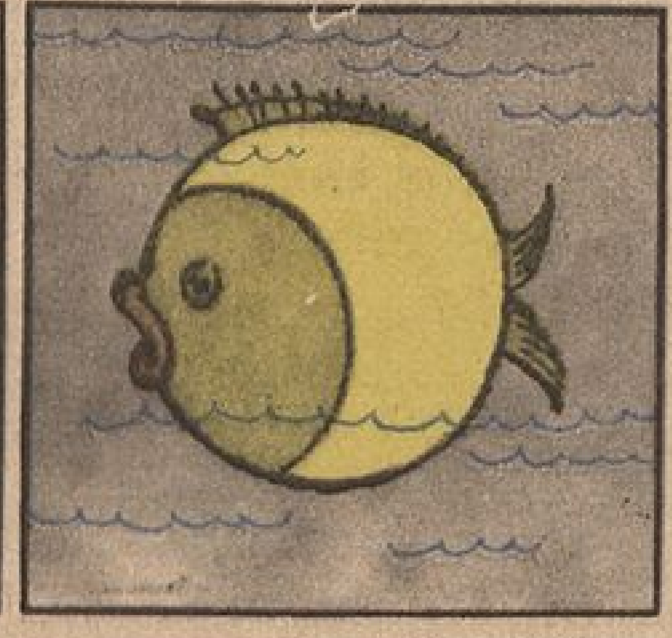
Их шкуры я сушил и складывал в трюм. Время шло весело!

Поймал рыбу-пилу...

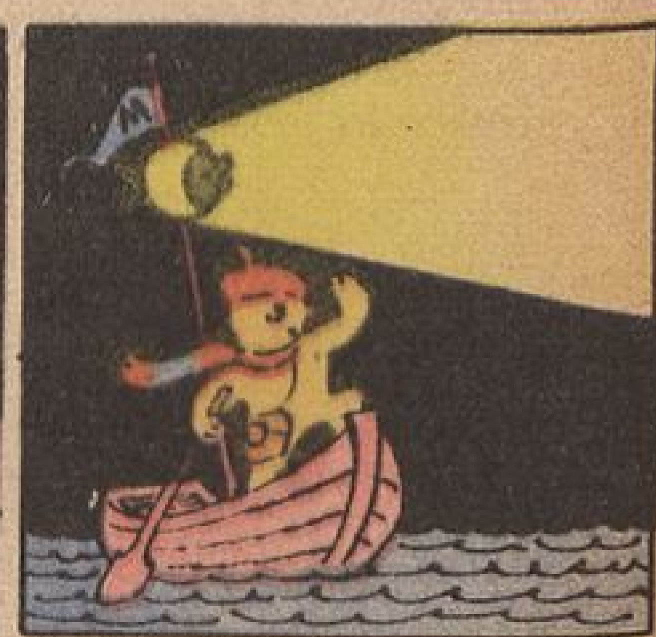
...шестёрку морских коньков...

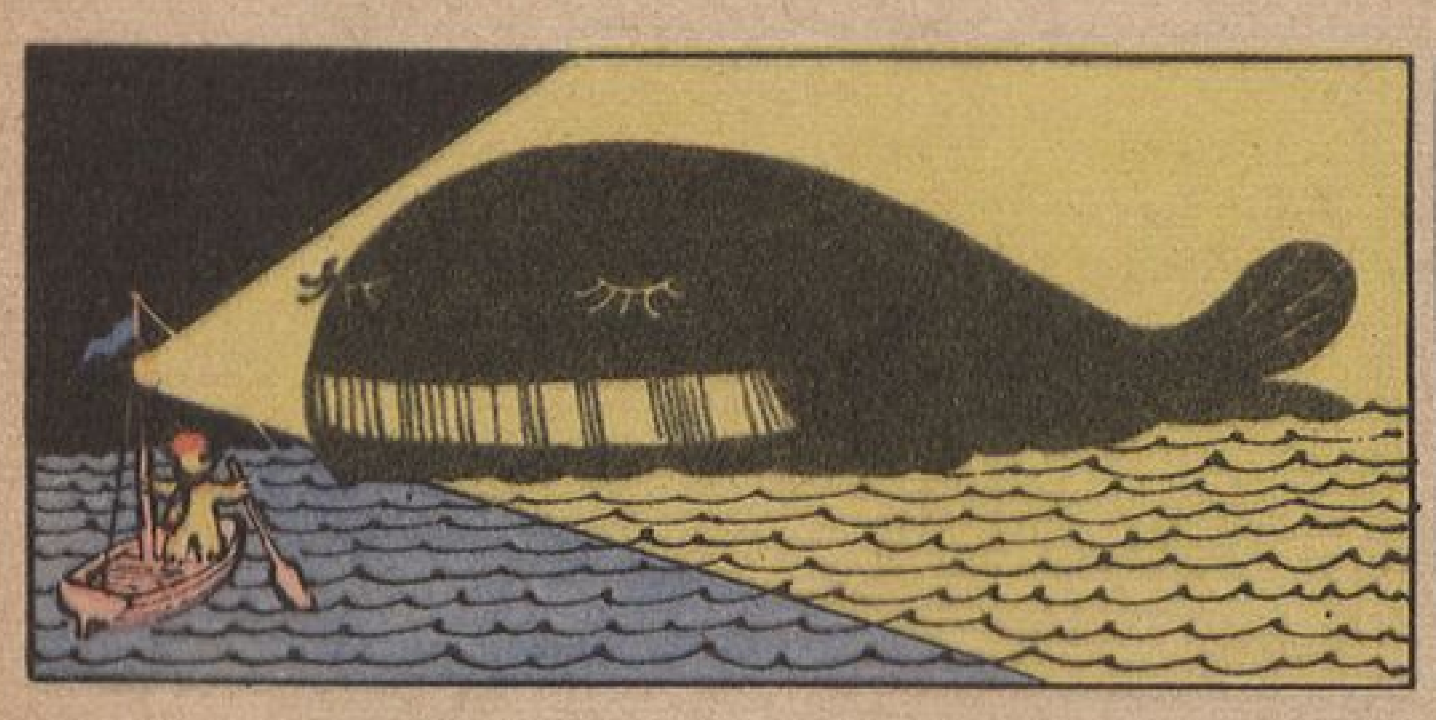
...и, наконец, рыбу-луну!

Блестящая идея приходит мне в голову!!!

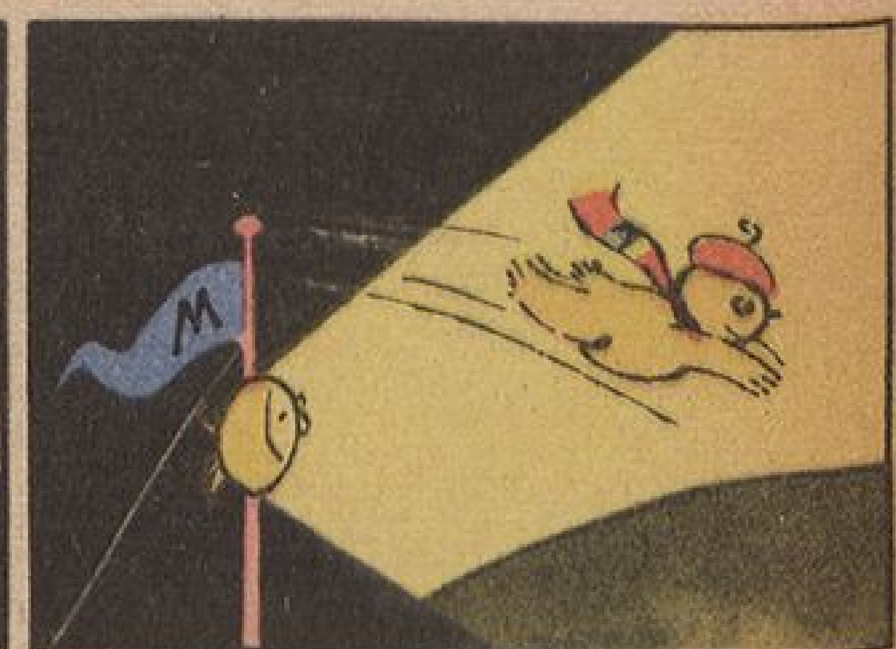
Я устанавливаю рыбу-луну на мачте. Теперь китов можно искать и ночью!

Вот, наконец, и кит! Какой красавец-великан!

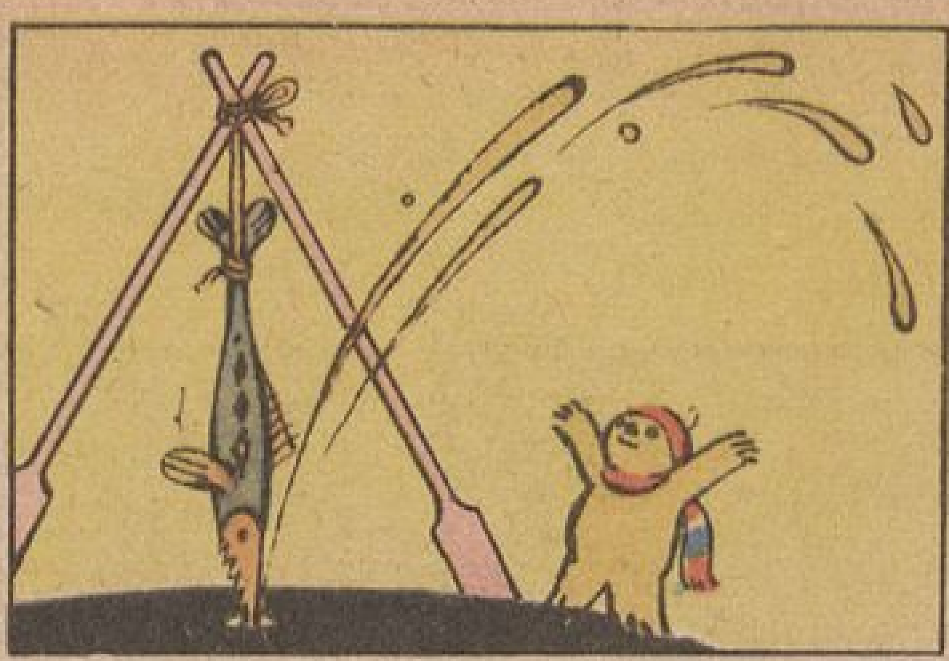
Вдруг страшный звук пронёсся над океаном! Кит спал!

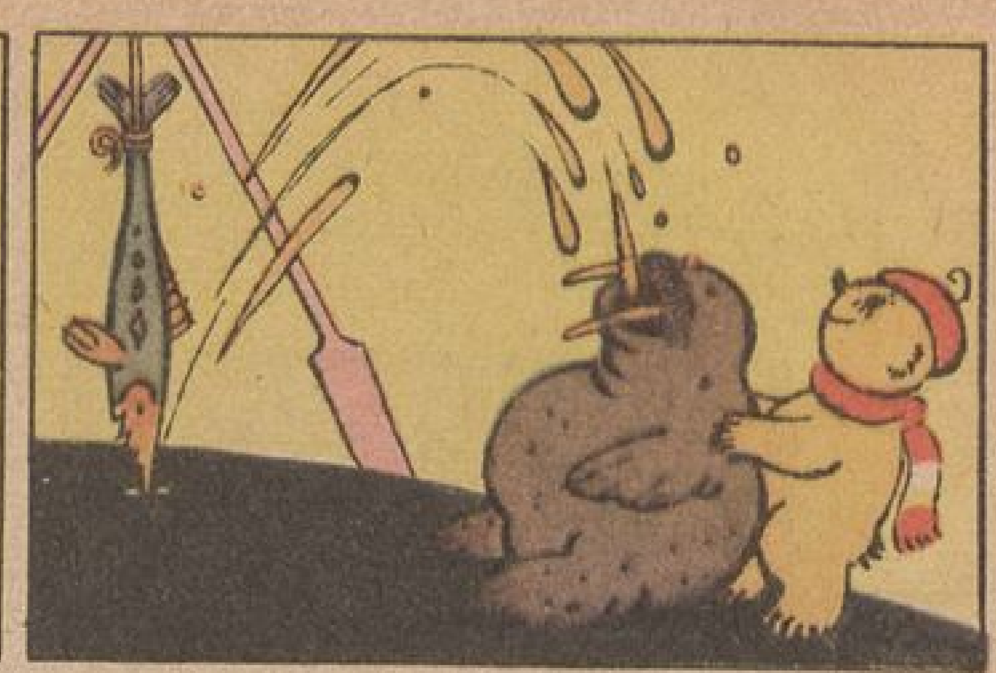
Осторожно приближаюсь и с мачты прыгаю на спину кита...

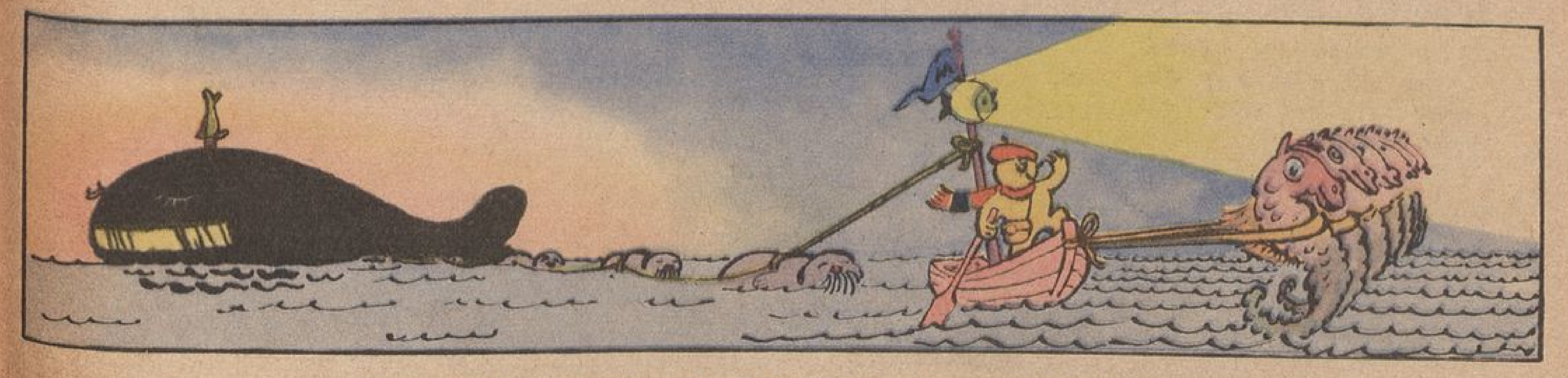
Из вёсел и рыбы-пилы сооружаю вышку для бурения скважины в ките.

Удача!!! Из кита забил фонтан жира.

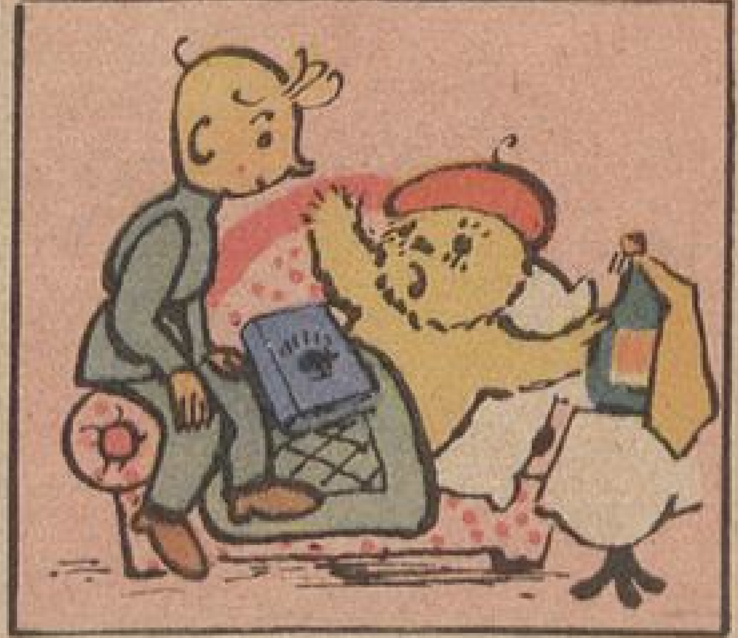
Наполняю шкуры моржей целебной жидкостью и пускаюсь в обратный путь.

Рано утром, когда кит всё ещё спал, великолепная процессия появилась в океане. Шестёрка морских коней! На мачте рыба-луна! На буксире шкуры моржей с жиром! В лодке — я, довольный удачной охотой!

Сейчас, прибыв домой, я задумал написать книгу о себе...

...но внезапно заболел. Охота не прошла даром — я получил насморк и теперь лечусь...

Но лечусь-то я китовым жиром, а он лучше всякого рыбьего. То-то же!!!

Рисунок на обложке В. ГОРЯЕВА

Редактор **А. МИТЯЕВ**

Редколлегия: **З. Александрова, А. Барто, Л. Воронкова, А. Ермолаев, Н. Емельянова, Е. Ершова** (зам. редактора), **М. Коршунов, Ю. Коринец, Ю. Нагибин, К. Орлова** (ответственный секретарь), **Е. Рачёв.**

Художественный редактор Ю. Молоканов
Технический редактор **В. Лубкова**

Год издания сорок первый. Цена 10 коп.

Подп. к печ. 13/V 1965 г. Бумага 84×108 1/16. Печ. л. 2 (3,36) Уч.-изд. л. 4. Тираж 2 800 000 экз. Заказ 708

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-30, Сущевская, 21.
Телефон: Д 0-45-08.

Рис. А. МИТТА
22461
Светит , блестит
. На траве ,
глядят на . Одно как
, другое — ,
третье как .
— Кто такие мастерит? —
думают . Кто?
и .
Индекс 70553
Прочитай этот рассказ...